

Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века

Неомарксизм – это особое течение общественной, в том числе философской, мысли 50–60-х годов нашего века, выражавшее тот большой интерес к творчеству Маркса и его философии, который был характерен для этого периода. Речь идет не о новых исследованиях работ Маркса и не о новой интерпретации его творчества. Такого рода исследованиями занимается и будет заниматься марксоведение, анализирующее тексты его работ и дающее им ту или иную интерпретацию. Ведь принято различать неогегельянство, неокантианство от гегелеведения и кантоведения. Неомарксизм – это определенное теоретическое устремление найти при помощи Маркса ответы на животрепещущие вопросы современности.

Известно, что XX в. выдвинул много социальных проблем, решением которых занимались и в рамках самого марксизма. Это можно сказать о работах Каутского, Бернштейна, Люксембург, Ленина и др. Как правило, все они стремились понять, насколько применимы взгляды Маркса к решению современных им проблем, прежде всего в сфере экономики, к методам, способам и целям классовой борьбы пролетариата. Меньше всего речь шла о философской проблематике.

Неомарксизм развивается вне рамок традиционного марксизма, он тесно связан с особенностями умонастроения западноевропейской левонастроенной интеллигенции послевоенных лет, со всей исторической ситуацией этого времени, которая характеризовалась победой антифашистских, демократических сил в войне, широкой верой в общественный прогресс, гуманизм, свободу, равенство. Казалось, что экономический подъем тех лет (“немецкое чудо”), достижения научно-технической революции дают все основания для социального оптимизма. Умонастроение левонастроенной интеллигенции, особенно в таких странах, как Франция, Италия, где ее влияние было особенно велико, отражало ощущение кризиса культуры, неприятие отчуждения, буржуазности, стремление осуществить кардинальные изменения в самом образе жизни людей. И в то же время для этих настроений были характерны разочарование, тоска из-за несбывшихся надежд на радикальное преобразование общества после разгрома фашизма. Еще не был снят вопрос о том, как и почему фашизм сумел овладеть умами масс, оказать на них такое воздействие и вообще получить столь широкое распространение. В раздумьях над этими вопросами критике подвергалась вся традиционная культура, особенно культура буржуазного общества, лишаящая индивида внутренней свободы, наделенная “угнетательской”, подавляющей функцией. Критический пафос по отношению к этой культуре возник уже во второй половине XIX в., но опыт фашизма, II мировой войны как бы выносил окончательный приговор, показав воочию, сколь сильны функции подавления социальной и биологической сущности человека этой культурой.

Действия и мировоззрения “новых левых”, молодежное движение 60-х гг. ярко проявили крах системы ценностей буржуазного общества, породили представление о том, что складывается новая революционная ситуация, которая приведет к крушению существующего негодного социального устройства и покончит с миром буржуазности и отчуждения. Именно эта духовная атмосфера привела к обращению к Марксу как к философу. Если раньше предлагалось дополнить учение Маркса той или иной философией, то теперь происходит подлинное открытие Маркса как философа. В 1953 г. широкому читателю стали доступны вновь изданные работы молодого Маркса, прежде

всего его “Экономическо-философские рукописи 1844 г.”. Издатели “Рукописей” пишут о том, что распространенное среди марксистов понимание Маркса было убогим и не давало представлений о всем богатстве идейного мира Маркса. Возникает целая литература о взглядах молодого Маркса, идут дискуссии, в которых противопоставляется Маркс-философ Марксу-экономисту, взгляды молодого Маркса взглядам зрелого, взглядам Энгельса как сциентиста, Ленина как политика, прагматика и т.д. В 1966 г. известный американский социолог Сидней Хук писал: “Будущий историк будет озадачен странным явлением второй половины XX в. – вторым пришествием Маркса. В своем пришествии он выступает не в пыльном сюртуке экономиста как автор “Капитала” и не как революционный санкюлот, вдохновенный автор “Коммунистического манифеста”. Он является в одежде философа и нравственного пророка с радостными вестями о человеческой свободе, имеющей силы за пределами узкого круга класса, партии или фракции”¹ .

Это не означает, что интерес к Марксу как социологу и экономисту пропал. Так именно в эти годы французский социолог Р.Арон писал о том, что “Капитал” представляет собой начинание грандиозное – я придаю его словам точный смысл, – говорит он, – гениальное творение, ставящее целью прояснить одновременно способ функционирования, социальную структуру и историю капиталистического строя”² .

Но, поскольку в эти годы все же на первом плане оказывается Маркс-философ, то возникает вопрос – что же было столь привлекательно в философии Маркса в те годы? Это прежде всего критическая направленность его философии, его критика капиталистической цивилизации и ее культуры, критика отчуждения, овеществления, сочетание научного анализа с нравственно-мировоззренческими установками. Проблема отчуждения стала одной из центральных тем философии XX в., и в этом плане трактовка Марксом отчуждения представляла несомненный интерес. Не случайно Хайдеггер писал: “Маркс, познав отчуждение, проник в существенные изменения истории, поэтому марксово понимание истории превзошло все остальные исторические концепции”³ . Философия Маркса в неомарксизме справедливо трактуется как философия самоосуществления человека на пути преодоления им отчуждения. Этим же объясняется и большой интерес в ней к теме связи философии Гегеля и Маркса. Неомарксизм обращал особое внимание на утверждение в философии Маркса новых, более совершенных форм жизни, когда условием развития всех выступает развитие каждого, когда основой развития является формирование свободной личности и все богатство культуры может найти свое проявление.

Очень часто марксизм в те годы воспринимается как контртеория официозу, а критика им капитализма, буржуазности предстает как теория нравственного обоснования бунтарства. Особо привлекает обращение к практике, слияние в марксизме теории и практики, тезис о возможности воплощения философии в жизнь. Во всей марксологической литературе того времени усматривается увлечение понятием практика, “праксис”, которое открывает путь к свободному, неотчужденному обществу. Широко стал известен югославский, а потом и международный философский журнал “Праксис”. Один из югославских философов Г.Петрович давал определение понятию практики как “универсально-творческой самосозидающей деятельности, посредством которой человек трансформирует и созидает свой мир”⁴ .

Определенное воздействие на интерес к марксизму оказывали и события, происходившие в те годы в Советском Союзе, связанные с разоблачением сталинизма. Они дали толчок силам, стремившимся преодолеть догматизированный, вульгаризированный марксизм в его советском варианте и творчески подойти к его истолкованию. Как и на Западе, в

Советском Союзе начинается издание работ Маркса, появляется многочисленная литература о Марксе, о его философском развитии.

Интерес философов к Марксу необыкновенно велик. Хайдеггер в эти годы характеризует воззрения Маркса как “самую глубокую философию нашего времени”. Сартр пишет о философии Маркса как о “непревзойденной философии нашего века”. При этом неомарксизм, выступая как леворадикальное направление, не приемлет социал-демократическую трактовку марксизма, а саму социал-демократию рассматривает как интегрировавшуюся в столь ненавистный им мир капиталистического общества. Наряду с этим четко прослеживается и неприятие советского варианта марксизма, системы диалектического и исторического материализма, получившего широкое распространение во всем коммунистическом движении. Этим определяется и трактовка истории марксизма, интерес в ней к таким фигурам, которые противостояли в философском плане социал-демократическим установкам и советскому марксизму. Именно в рамках неомарксизма проявляется интерес к работам молодого Лукача, к книге Корша, к изучению философских взглядов Грамши. Все они не без основания рассматриваются как основоположники “философии практики”. В 20-е гг. “История и классовое сознание” Лукача, “Марксизм и философия” К.Корша не были широко известными работами. А “Философские тетради” Грамши вообще еще не увидели свет. Все эти работы были изданы и переизданы в 60-е годы, вызвали большой интерес, тем более, что в них отразилось в своеобразной форме разочарование определенной части интеллигенции Западной Европы, вызванное поражением революции в этих странах в 20-е годы. Неомарксизму в этих работах импонирует упор на трактовке практики в марксизме, проповедь активности, отказ от компромиссов, интерес к категории “тотальность” как основной в изучении общества. В противовес советскому варианту марксизма в этих работах усматривается аутентичная трактовка философии Маркса. Неомарксизм отражал поиск “третьего пути”, свободного от буржуазности, отчуждения, манипуляций общественным сознанием и от тоталитаризма советского образца с его засильем бюрократии и государственной идеологии. Не находя реальных путей к установлению свободного общества, многие представители неомарксизма придерживались анархо-утопических воззрений. В одной из статей журнала “Праксис” так обрисовывается эта ситуация: “В воздухе витает требование возобновления социализма в духе утопий, возврата к утопическому социализму”⁵. “Философия практики” 20-х гг. давала определенное обоснование такого рода устремлениям.

Неомарксизм не представлял собой однородного философского направления. Некоторые его представители откровенно причисляли себя к марксистам, как, например, Лукач шестидесятых годов, некоторые выступали с идеями пересмотра марксизма, ряда его основополагающих положений. Это так называемые ревизионисты: Гароди, Колаковский, Косик, югославские философы, группировавшиеся вокруг “Праксиса”. Но наибольшим влиянием в философских кругах пользовались увлекавшиеся марксизмом экзистенциалисты и представители Франкфуртской школы. Сартр в своем стремлении понять практическую деятельность человека опирается на марксовы “Тезисы о Фейербахе”, считая при этом, что сам Маркс ближе к созерцательному материализму, особенно в своей гносеологии, и не уделяет достаточного внимания проблеме активности субъекта. Сартр трактует единство теории и практики как растворение познания в действии. “Марксизм Маркса, – пишет он, – отмечает диалектическую противоположность познания и бытия, содержит в качестве имплицитного требования экзистенциальное основание теории. В конце концов, для того, чтобы такие понятия, как овеществление или отчуждение, приобрели весь свой смысл, надо было, чтобы исследователь и исследуемое составляли одно целое”⁶. При этом Сартр высоко оценивал марксово понимание истории, при котором “детали” включались в общую картину,

учитывался момент субъективности, и считал, что антимарксистские аргументы оказываются обманчивым омоложением домарксистских идей. Собственную аргументацию, особенно в “Критике диалектического разума”, Сартр неоднократно подкрепляет ссылками на Маркса. Мерло-Понти в “Приключениях диалектики” уделяет немало места трактовке марксовой диалектики, считая, что Маркс без существенных изменений применяет гегелевское изложение отчуждения и опредмечивания.

К неомарксистам можно отнести и философов Франкфуртской школы, исходивших из того, что капиталистическое общество полностью исчерпало себя, все свои возможности. Для них марксизм – это прежде всего критическая теория. В своей критике гегелевской диалектики и Адорно, и Маркузе ссылаются на марксову критику Гегеля в “Рукописях 1844 г.”. Давая критику отчуждения, Адорно излагает взгляды Маркса на товарный фетишизм, ссылаясь на трактовку Марксом понятия практики. У Маркузе тема Гегель-Маркс проходит через все его творчество. Маркс, считает он, хотел по-новому определить разум, а его эсхатологические идеи отвечают новым тенденциям – “идее отмены труда”. Общеизвестно стремление Маркузе соединить учение Фрейда и Маркса. Это еще в большей степени характерно для Фромма, считавшего заслугой Маркса то, что он открыл и обосновал роль желаний и интересов в поведении людей. Фромм, признавая влияние социальных факторов на поведение людей, обращал особое внимание на то, что одинокий и незащищенный индивид оказывается в современном обществе лицом к лицу, как он говорит, с чудовищем отчуждения. Социальная система должна быть направлена на освобождение человека от использования его как средства для достижения чуждых ему целей. Фромм считал, что философия Маркса протестует против дегуманизации и обезличивания человека, порождаемых развитием западной цивилизации. Для Маркса история есть возрастающее развитие человека при одновременном возрастании отчуждения.

В рамках неомарксизма раздавалась и весьма резкая критика тех или иных положений Маркса. Все эти философы не являлись марксистами, но проявляли большой интерес к его творчеству, особенно к его критике положения человека в капиталистическом обществе.

Интерес к идеям Маркса в эти годы проявляют и многие философы, не принимавшие его взгляды, как, например, неотомисты. Именно тогда выходит книга Э.Тира “Образ человека у молодого Маркса” (1951), работы Бохенского, Веттера, Фетчера. Другим примером такого интереса может служить оценка Маркса теоретиками лейборизма, которые опирались на фабианский социализм, а не на Маркса. Один из видных теоретиков лейборизма Дж.Стречи писал в 1956 г.: “Предполагать, будто можно плодотворно изучать современную действительность в ее экономическом или социальном аспекте, не учитывая при этом самым тщательным образом, на каждом шагу, что думали и писали по этому поводу Маркс и его основные преемники, значит попусту тратить время... Было бы весьма трагично, если бы эти истины, некогда открытые Марксом, мы потеряли из виду”⁷ .

Неомарксизм, ренессанс Маркса 50–60-х годов был отражением и выражением всей духовной атмосферы тех лет, когда студенты Гарвардского университета во время своих выступлений в 1969 г. вывешивали плакат “Философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы его переделать”. Ощущение кризиса культуры, кризиса индустриальной цивилизации становилось преобладающим. Известный американский социолог Ч.Р.Миллс писал в 1959 г.: “Мы находимся у окончания того, что называется “Новым Временем”, также как за античностью следовало несколько веков варварства, ориентализма, которые Запад провинциально называл Темными веками, так и сейчас Новое Время сменяется постмодерным периодом. Его можно назвать “Четвертая эпоха”⁸ .

Речь идет еще не столько о понимании, сколько об ощущении надвигающихся перемен в образе жизни, сознании, мироощущении человека, что наиболее наглядно выразилось в движении “новых левых”, черпавших свои идеи во многом из неомарксистских учений. Критика позднекапиталистического общества была доведена ими до его полного неприятия.

В 70-е годы на смену левому радикализму с его увлечением Марксом пришел неоконсерватизм, пытавшийся в условиях экономического кризиса тех лет удержать прежние ценности. Разочарование в идеях прогресса, гуманизма приводит к отказу от увлечения идеями Маркса, да и не только Маркса, но и всей классической философии. Развивавшаяся в рамках марксизма теория переставала давать ответы на вопросы, выдвинутые приходом постиндустриального общества. Потребовалась смена координат, многие прежние представления о ходе развития общественного процесса утрачивали смысл. Новые исторические реалии, особенно связанные с формированием единой цивилизации, требовали нового осмысления. Это не значит, что у Маркса нельзя ничего найти в этой связи. Но Маркс перестал быть вдохновителем душ, и неомарксизму как философскому направлению, стремившемуся при помощи Маркса осознать общественную ситуацию, пришел конец.

Сам по себе этот факт не означает того, что учение Маркса вообще перестало представлять интерес. Оно вошло в сокровищницу мировой культуры, стало ее неотъемлемой частью, а многие аспекты его воззрений еще ждут своего истолкования.

- 1 *Hook S.* Karl Marx's Second Coming // New York Times Book. Review. 22.V. 1966.
- 2 *Арон Р.* Этапы развития социалистической мысли. М., 1989. С. 163-164.
- 3 *Heidegger M.* Mit einem Brief uber Humanismus. Platon's Lehre von der Wahrheit. В., 1954. S. 87-89.
- 4 *Petrovic G.* Marx in the Mit-Twentieth Century. N. Y., 1967. P. 75.
- 5 *Djuric M.* Dvosnislenos utopije // Praxis. 1970. № 1-2. S. 26.
- 6 *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique. Т. 1. P. 1960.
- 7 *Strachey J.* Contemporary Capitalism. L., 1956. P. 14.
- 8 *Mills C.W.* The sociological Imagination. N. Y., 1959. P. 184.